

ИРИНА СУББОТИНА

Территория АЛЬФЫ

роман

Ирина Субботина
Территория Альфы

«WebKniga»

2013

Субботина И. В.

Территория Альфы / И. В. Субботина — «WebKniga», 2013

Главный герой добился в жизни всего, о чём мечтал. К сорока годам он состоятельный человек, женат, правда, живёт отдельно от семьи и с любимой дочкой не может найти общего языка. Рядом с ним практически всегда есть очередная, нередко яркая подруга. Казалось бы, он знает о женщинах всё, он искренен в своём желании найти постоянную спутницу, но то ли женщин выбирает не тех, то ли предлагаемый им образ жизни не оставляет шансов на прочный союз. В бесконечной веренице любовных отношений герой пытается понять, к чему он идёт: к краху своего внутреннего мира или к абсолютной бесценной свободе.

© Субботина И. В., 2013

© WebKniga, 2013

Ирина Субботина

Территория Альфы

© Ирина Субботина, 2013

© «Время», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Кого принято считать альфа-самцом? Дон-Жуана, Казанову?

Или это миф, а всемирно известные герои-любовники не имеют ничего общего с действительными запросами и поведением альфа-самцов? Что же из себя на самом деле представляет мужчина, к которому применимо понятие альфа? В чём он первый? И чего могут ожидать женщины и опасаться мужчины, когда на горизонте появляется альфа-самец?

Из отзывов:

На первый взгляд может показаться, что это банальная история о зажавшемся миллионере. Но это не так. Мужчины устроены куда сложнее, чем принято считать в последнее время. Об этом книга. И вдвойне неожиданно, что такую историю рассказала женщина.

Дмитрий Давыдов, автор игры “Мафия”, 46 лет.

Удивительно, что это написала женщина. Именно так мыслят и поступают мальчики. Но всегда ли об этом надо знать девочкам?

Алексей Рошин, блоггер (“Сапожник/sapojnik”), 45 лет.

В мужском теле нет внутреннего пространства.

Дж. М. Кутзее

Ему хотелось спрятаться в любовь.

Без этого жизнь была невыносима.

М. Каннингем

- Мы падаем?
- Нет.
- Но... Что-то случилось?
- Да, случилось.
- Что?
- Пока не знаю.
- Мне страшно.
- Возможно, птица.
- В смысле?
- В двигатель попала птица.

- Значит, мы падаем?
- Нет.
- Что это? Что за толчки?
- Бафтинг...
- Что?
- Самолёт вошёл в штопор.
- Штопор? Мы упадём?
- Нет.
- Но... мы уже падаем... Я хочу выйти отсюда! – она начала отстёгивать ремень безопасности.

ности.

- Пристегни обратно!
- Я хочу выйти! Выпусти меня отсюда!
- Это невозможно. Ребёнок, успокойся!
- Останови! Останови! Мне надо выйти!
- Пристегнись, дура! – я отвесил ей лёгкий подзатыльник.

Её солнцезащитные очки слетели на пол. Она пристегнула ремень и взглянула из-под светлой прямой чёлки, навалившейся на глаза.

Солнце слепило, но она даже не сощурилась.

- Я хочу жить, – прошептала она. – Я хочу жить.
- Мы не упадём. Прикрой голову руками.
- Я хочу жить. Мне страшно. Сделай что-нибудь.
- Я делаю.
- Сделай что-нибудь! – заорала она. – Сделай что-нибудь! Сделай! Сделай!
- Блядь, сука, заткнись! Сиди тихо! Не ори!

Она схватила руками свои длинные волосы и прикрыла ими лицо, словно шторками с двух сторон. Сжалась. И начала тихо скулить.

- Ты будешь жить. Только не ори. Ребёнок, ты будешь жить.

Она – почти ровесница моей дочери. На несколько лет старше, но росли они на одних фильмах, слушали одинаковую музыку. Влюблялись в одних и тех же героев. Но сегодня она со мной. Я думал – надолго. Теперь не уверен.

Она из тех, кто своей тонкой душевной организацией вызывают особые чувства. Она из тех неслучайных знакомых, ради которых чувствуешь в себе готовность изменить жизнь. И её, и свою.

Но даже с такими можно угодить в точку невозврата.

Так жизнь делится на до и после.

Впоследствии этих «до» и «после» было так много, что уже и счёт им потерян. Жизнь стала похожа на слоёный пирог.

Но когда-то я столкнулся с этим впервые. И был подавлен свалившимся на меня откровением, воспринял происходящее трагично.

Это показатель взросления. В детстве мир воспринимается абсолютно цельным. Нет интервалов между событиями и поступками, нет разрывов. В детстве не существует потерь. Есть расставания, но ощущение потери ребёнку неведомо.

* * *

Мне было двенадцать лет. В пионерском лагере я влюбился в девочку на пару лет старше меня. Лиза, так звали её, встречалась с парнем старше её самой на несколько лет.

Когда я впервые влюбился, мне в прямом смысле не хватало воздуха: ощущение – словно из-за кислородного голодания находился в каком-то лёгком помешательстве.

Я следил за Лизой. Так часто, как только удавалось сбежать из отряда. Однажды мне повезло, и я на пляже увидел важную эротическую деталь – развязалась лямка на её купальнике.

Лиза подхватила его, а я успел увидеть её грудь – и в этот момент время остановилось, а в нос врзался смешанный запах озера и сосен.

Этот запах и сегодня щекочет мне ноздри и вызывает в памяти образ стройной девочки, стоящей по пояс в воде. Девочки, ощущающей собственную силу власти над этим миром.

Конечно, в лагере было полно симпатичных девочек, способных привлечь внимание. Но у Лизы кроме круглых ягодиц и длинных льняных волос было нечто такое, что вызывало ощущение присутствия чего-то магического вокруг неё.

При взгляде на эту девочку у меня внутри всё сжималось и отдавалось волной где-то внизу живота – потягивало и постанывало и сладко разливалось по всему телу.

Это было особое переживание. Вождение, смешанное с восторгом от встречи с красотой, воплощённой в этой девочке. Ощущение первого самостоятельного выбора на пути взросления.

Как-то я своровал с верёвки её постиранные трусики. Нюхал их и при любой возможности томился в кустах, с этими трусами на голове.

Я готов был превратиться в её тень, – лишь бы она меня заметила. Я так часто маячил у неё перед глазами, что очень скоро она начала обращаться ко мне с небольшими просьбами. А потом и поручениями.

За смену мне удалось невозможное. Я стал её приятелем, а потом и доверенным лицом. Я относил записки её мальчику.

Лиза надёжно заклеивала своё послание со всех сторон. Но иногда мне удавалось вскрыть письмо и после прочтения вручить адресату без следов вмешательства.

И вроде бы я был в курсе всего происходящего, но в последний момент оказался не готов к тому, что случилось.

Теперь понимаю, что свои письма Лиза заклеивала пропорционально степени откровенности. Чем серьёзнее тема – тем больше клея. Таким образом, я упустил несколько важных звеньев в их отношениях. А восстановить их самостоятельно тогда не смог.

К концу смены, перед самым отъездом из лагеря, Лиза была серьёзно расстроена. Она в прямом смысле слова металась по периметру лагеря. А поскольку я уже был её приятелем, Лиза, чтобы облегчить свои душевные страдания, обратилась ко мне.

Позвала в беседку, где не было никого. И рассказала, что в эту смену лишилась девственности, отдалась тому самому мальчику, которого полюбила всем сердцем.

Отдалась в надежде на продолжительные отношения и, возможно, будущую семейную жизнь, в которой сама она предполагала родить троих детей и жить счастливо в спокойствии и достатке. Но у парня были другие планы. Он сказал Лизе, что она всего лишь его летнее увлечение.

Лиза сидела и плакала.

– Ты думаешь, что я плохая?

– Нет, я так не думаю.

– А что ты думаешь?

– Ты... красивая.

– Я не об этом. Что я так поступила.

– Ну... тебе понравилось?

– Что понравилось? Ты что, идиот, что ли? Ты что, не понимаешь, что я ему не нужна?
Он же меня бросил.

– Я бы не бросил.

– Ты хороший. Но ты маленький! Ты – ребёнок.

– Не плачь. Хочешь, я тебе компот из столовки принесу?

– Какой компот? У меня жизнь кончилась.

– Почему?

– Он меня бросил. Как мне дальше жить? Ты что, не понимаешь этого?

С каждым сказанным мной словом я чувствовал, как между мной и Лизой увеличивалось расстояние. Не уменьшалось, как мне того безумно хотелось, и ради чего я пытался её успокоить, а как раз наоборот, увеличивалось. Я прикоснулся к её льняным волосам. Впервые, и тут же понял, что трогаю их в последний раз.

– Ты такая красивая. У тебя будет много парней.

– Я не хочу много. Я хочу одного. Этого. А он – не хочет. Как мне жить?

– Может, поговорить с ним?

– Кому?

– Мне.

– Ты что, совсем дурак? Это секрет. Никто не должен знать об этом. Ты понял меня?

Я пытался успокоить Лизу. Говорил, что она обязательно найдёт своё счастье, но с другим парнем. И от души ей этого желал.

Нет, я врал Лизе – никакого счастья с другим парнем я не желал ей. А хотел только одного, чтобы она была моей. Я хотел занять место этого мальчика.

А реальность была другой: я в глазах любимой девочки был безобидным ребёнком, мальчиком на побегушках, образ которого, может быть, даже никогда не сохранится в её памяти.

Лиза высказалась и уже чувствовала неловкость. И стыд. Но не за свой поступок, а за то, что свидетелем всего случившегося с ней сделала именно меня.

А я в свою очередь понимал, что при любом неправильном движении, вместо друга могу стать врагом.

Это неправда, что ребёнок не понимает, что происходит вокруг. Понимает, и иногда больше, чем сам от себя ожидает. И решения способен принимать, и порой – самые верные. Потому что в силу своего возраста не имеет в арсенале набора решений-клише. И именно по этой причине он беззащитен перед реакцией других людей.

Я не знал, что мне делать. Было страшно, и каким-то шестым чувством я усёк, что всё, что происходило между мной и Лизой, – вершина наших с ней взаимоотношений. И никогда ничего другого между нами уже не будет.

Именно так и случилось. История с Лизой стала для меня точкой отсчёта моего собственного пути, где неизбежно это самое чувство горечи и разочарования. А образ Лизы я навсегда сохранил в памяти, и он сопровождал меня в разные периоды моей жизни. То вытеснял образы других женщин, то сам вытеснялся ими.

А вот тогда и надо было остановиться. Но меня распирало желание, которое вызвала во мне Лиза. И чтобы не умереть от перенапряжения, не подойти прямо перед ней, я решил выложить Лизе всё как есть: сообщить ей, как сильно я люблю её.

Я достал из кармана Лизины трусы, украденные мной в начале смены. Те самые, которые являлись для меня проводником в мир девичьей исключительности. Трусы, которые были доказательством моей любви к моей Лизе.

Свёрнутые в комочек, – именно так я таскал эту вещь в кармане, – я протянул их на ладони, словно предлагал своё только что выскочившее из груди сердце.

– Вот...

– Что это?

– Это... моё... твоё... твои...

Когда Лиза увидела, что я ей вручил, я тут же получил трусами по физиономии. Услышал, какой я дебил и как ужасно, что оказался именно таким.

У меня была тайна, и она давала мне силы действовать. За одно мгновение тайна стала позором, и между мной и Лизой образовалась пропасть. По ощущениям – длиною в несколько жизней.

Всё произошло настолько стремительно, что осознать это, а тем более исправить, сил и способностей у меня, маленького мальчика, не было. Тайна, ставшая позором, и обесточила меня. А пережитый позор стал началом осознанного роста. Да, мы были юными, Лизина вещица была слишком интимной. И никакой ожидаемой реакции, кроме стыда и раздражения, не могла вызвать.

Но я понял: женщина всегда, если захочет, сумеет ударить тем, что принесено ей в открытых ладонях. Так зачем же добровольно выдавать ей оружие против себя?

История с Лизой – из первых, она – из детства. Но, что интересно, возраст и опыт не всегда выручали. К сорока годам я окончательно понял: сначала, пока молод и плещешь энергией, – тратишь время и силы на исследование вселенной. Много сил и много времени на то, чтобы познать её до самых пределов.

Пока однажды не начинаешь замечать повторы.

* * *

Я вырос на определённых маяках, которые установили мои родители. Окончил школу. Спорт – для здоровья. Институт: поступил, окончил.

Женитьба, семья, работа. Любовь – к женщине, к отечеству, к родителям и детям.

И пошло, пошло, пошло... Вот этот темп, который был взят, и выдерживался. Никакие женщины не смутили, никакая водка не сбила. Первую рюмку принял после тридцати.

Не зависть, а восхищение, что этим можно обладать, заставляла меня двигаться вперёд. Все мечты, которые сформировались до двадцати лет, воплотил в жизнь в той или иной степени.

Есть почитатели чудес, а есть воплоители мечты. Я отношусь ко вторым. И вот теперь мой переходный период осложнялся тем, что я не знал, что ещё придумать, чего желать. Какие ещё есть мечты, к которым надо стремиться.

Мне по-прежнему нравится всё красивое. Мне нравились красивые женщины, и особенно если красота была подкреплена чем-то изнутри.

Никогда я не испытывал радости обладания женщиной в качестве варвара-завоевателя или героя-победителя. Эдакого доминирующего самца, который подминает под себя всё женское.

В отношениях с женщинами у меня явная предрасположенность к роли благотворителя. Я готов стать защитником и помощником для всякой представительницы женского пола. Особенно искренней в намерениях быть не только потребительницей всех благ цивилизации, а ещё и для чего-то потребной.

Меня привлекает в женщинах дерзость и смелость, оригинальность и неординарность, сексуальность и ум. Всё то, что в совокупности делает женщину красивой.

Я люблю, когда у женщины округлые формы, когда очевидны линии её тела. Обожаю её всегда особенный запах, голос, сияние глаз, вкус её рта, упругость кожи.

Люблю всё это настолько, что готов принять обыкновенную упакованную потребительницу за искательницу чего-то особенного.

Блистать внешне, демонстрировать азарт охотницы, стремиться получить большее – если это выдавать в разумных дозах, то можно за таким фасадом какое-то время прятать душевную незрелость.

Когда летишь на самолёте и видишь иную красоту городов, оставленных внизу, тогда переживаешь особые чувства, подогретье фантазией и нереализованным желанием.

Но рано или поздно самолёт сядет. И надо будет выйти в город. И вот тогда можно пройти по улицам и составить окончательное впечатление о том, что с высоты выглядело по-другому. Посадка всегда неизбежна.

Поэтому я не особо сопротивляюсь, когда в очередной раз встречаю нечто посредственное, введённое в самообман собственной молодостью, красотой и способностью продавать себя.

Не воздвигаю защитные укрепления, а принимаю женщин такими, какими положено им быть природой. А всё, что сверх того им дано, – это милость, и я воспринимаю это как милость.

Женщины всегда заполняли мою жизнь. Они меня стимулировали к чему-то новому, отвлекали от чего-то важного.

Женщина – это как проект. Её уникальность в сочетании с новизной, которую она способна привнести, может стать началом отношений.

Я рассматриваю, что же она способна предложить. Что предлагает. Оцениваю её ожидания. Просчитываю сроки реализации. Отслеживаю интенсивность нашего с ней взаимодействия. Планирую этапы финансирования. И жду результата. Я всегда его жду.

А если результат выходит за рамки ожидания и случается нечто большее – меня торкнуло, я влюбился, – тогда «проект» плавно перетекает в операцию. И может длиться сколь угодно долго.

Начинается история любви. И я ухожу с головой в ту, в которую влюблён. Даже оставляю работу на какое-то время.

Это как картина, и я её пишу. Иногда получается писать мазками и быстро. А бывает всё идёт трудно и долго. Но рано или поздно картина дописывается. Для меня важно не заканчивать картину до конца. Чтобы не было полного опустошения от межкартинного периода.

У меня два варианта отношений с женщинами – ответственность и благотворительность.

Ответственность – это не бесконтрольная выдача денег по первому требованию очаровавшей меня девушки. Такой вариант – скорее, благотворительность. Когда понравившаяся девушка оценила силу произведённого на меня впечатления и, просчитав мои возможности, озвучила свою проблему, я всегда готов единожды помочь ей, если вижу, что она дружит со здравым смыслом.

А ответственность всегда связана с планами на будущее. Не только с нашими совместными. Но и с планами на её будущее, в котором меня, по разным причинам, может и не быть. Но ответственность – это уже исключительно последствия любви, и никак иначе, в моём случае она появиться не может.

В моей жизни всегда были женщины, в которых я влюблялся; и всегда были те, с кем готов был дружить.

Вообще нет такого точного слова, чтобы охарактеризовать отношения с женщиной, вызывающей сексуальное влечение, но, по каким-то причинам, не имеющие своего полноценного развития.

Женщина может быть замужем; скорбеть по своему мужу, находиться в трауре; быть представительницей другого социума; нераскрытой женщиной и тем самым не давать повода для отношений; быть сестрой друга или приятельницей бывшей девушки; оказаться подружкой той, с кем хотя бы один раз были интимные отношения; или дочерью когда-то нравившейся в молодости девушки; женщиной, не вовремя появившейся в моей жизни; быть человеком другой тусовки, куда сначала надо войти, а потом, в течение некоторого времени, обозначить себя. Иногда выясняется, что для девушки наиболее важны корпоративные ценности. Всё это накладывает определённое табу.

Но если и существует табу, которое я не нарушаю, а влечение к женщине так велико, что я не могу о ней забыть, это может стать началом нашей дружбы.

Для себя я называю эти отношения приятельскими. Но в общении с женщинами использую понятие дружбы. С одной стороны, это не накладывает обязательств, связанных с интимом, а с другой – выводит нас за рамки просто приятелей.

С моей стороны появляется нечто самопожертвованное.

Сам я верю, что могу дружить с женщиной без секса. Это даже интересно.

Но не факт, что с другой стороны меня будут рассматривать как друга. Я просто могу этого не знать.

Я до сих пор не встречал женщин, которые позволяли дружить с ними, но сами рано или поздно не сделали бы попытки показать силу своей женской природы. К счастью, не встречал.

«А бешеная кровь меня к тебе вела суждённой всем, единственной дорогой...» – одна из моих любимых ахматовских строк – точно указывает на причину, по которой женщина оказывается рядом с мужчиной. Иногда этим мужчиной становился я.

А бывает, что за отсутствием «бешеной крови» к близости подталкивало нечто другое.

То, что есть у женщины в наличии, – холодный расчёт, подмена понятий или понимание, как развиваются отношения.

Мне понадобилось какое-то время, чтобы понять: отношения сами себя рассказывают. Ими нельзя понукать, их нельзя подталкивать, их опасно планировать. Надо ждать появления истории, которая начнёт говорить сама за себя.

Только тогда можно соприкоснуться с неподдельным переживанием, которое, скорее всего, окажется не таким, каким ожидалось. Но всё равно более или менее настоящим, а не симулированным.

Когда я был моложе, я, кажется, предчувствовал, что это так. Но по причине молодости не мог ждать месяцами, когда же заговорит моя история. Я жил настоящим моментом и только. Меня распирало: я рос во все стороны – внутри и снаружи. Я хотел от женщин всего и сразу. Они не сопротивлялись. А если и пытались, то сразу – досвидос... Я был уверен, так лучше – для них и для меня.

Молодость во всём обозначает свои сроки. И в этом её особенность.

А теперь я могу терпеливо ждать, долго удерживая внимание и предвкушая возможные отношения. Которых, впрочем, может и не случиться.

Я всякий раз ловлю себя на мысли, что каждое новое влечение – это всего лишь часть общей картины.

Секс с каждой из женщин воспринимается как секс именно с этой конкретной женщиной, с её свежестью, красотой, страстностью, чувственностью, мудростью, силой, ненасытностью, самовлюблённостью, глубиной, простотой – со всем тем, что она способна транслировать в этот момент. Но только общая картина позволяет ощутить то, что называется полнотой жизни.

Все свои отношения я помню, но это не значит, что меня к ним тянет. Меня тянет к определённым впечатлениям, которые я когда-то получил.

* * *

Моя жена Тамара – это первая часть моей жизни. Теперь она уже друг, она – роднее родного. Я отношусь к ней, как к сестре.

У нас сложились с ней особые отношения. Может быть, они были основаны на заблуждениях – наших с ней заблуждениях. А может быть, на ошибках, которые мы друг другу не простили. И на иллюзорности – я просто не знал, кто я такой.

Но я хотел найти ответ на этот вопрос. В том числе и с помощью женщины. И когда рядом со мной появлялись такие особы, я вынужден был думать и о них.

А в перерывах между поисками я возвращался к жене, и мы пытались понять, кто мы друг для друга, что мы друг другу должны.

И если раньше при выяснении отношений у меня постоянно возникало желание сказать ей: «Ты не оборзела, сука?» – что я, в общем-то, и делал, то сейчас – нет. Я всегда говорю ей: «Всё, что ты хочешь! Всё, что ты хочешь... дорогая моя».

К такому родственному союзу мы шли долго и временами мучительно. Было всякое – и мысли нехорошие, и слова страшные, и поступки скверные.

Как-то Тамара в состоянии отчаянья даже пожелала мне сдохнуть. А я, находясь в подобном состоянии, сидел и думал, что умереть, может быть, и не страшно. Только волнует один вопрос.

Если после смерти всё-таки существует какая-то форма жизни, как обстоит дело с ощущениями?

Однообразность, повторяемость, она и после смерти остаётся неизменной? Или вариантов появляется больше?

С Тамарой я познакомился в Чехословакии. Центральная группа войск. Весна. Нас несколько человек, и мы такие бравые кремлёвские курсанты появились в гарнизоне. И впереди три месяца стажировки.

Естественно, на нас сразу же обратили внимание. И кто?

Понятно, что весь женский пол гарнизона. И в первую очередь наши потенциальные невесты – дочери военнослужащих. Они, как всякие девочки, обращали внимание на мужчин, подобных их отцам.

Этим девочкам на примерах их родителей понятно, что никто не получает генерала, не походив в лейтенантах. А генеральской женой можно стать, прежде побыв женой лейтенанта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.